

по нему нельзя опознать именно данную карточку, если карточек с пятнами будет несколько. Быть может, если бы испытуемый лучше знал, чего от него хотят, то он наверняка оказался бы способен на более точное описание. То же касается запахов. Описания типа «сладковатый запах с некоторой приторностью» — достаточны они для коммуникации в социуме или нет? Надо создать у испытуемого определенное представление о том, что такое «хорошее» описание с точки зрения задач коммуникации в социуме. С этой целью на этапе 4 в качестве реального реципиента выступает помощник экспериментатора, заранее осведомленный о задачах эксперимента. (Испытуемый об этом, разумеется, не знает.) Испытуемый-коммуникатор должен дать такое описание стимула, чтобы реально присутствующий реципиент мог правильно опознать описанный стимул среди четырех других того же типа (например, четырех «пятен», четырех «зигзагов», четырех сильно пахнущих веществ). На этапе 4 экспериментатор в присутствии испытуемого давал специальную инструкцию реципиенту; «Отвечайте только тогда, когда Вы вполне уверены в ответе, в противном случае скажите коммуникатору, что его описание содержит недостаточно информации». (Экспериментатор заранее просил своего помощника всегда дважды говорить, что он не знает, что имел в виду испытуемый, и только на третий раз дать положительный ответ.) Перед тем, как перейти к этапу 5, экспериментатор раскрывал испытуемому свой «секрет». Это делалось для того, чтобы этап 5 не оказался простым повторением этапа 3, а также для того, чтобы испытуемый не был «блокирован» своими возможными неудачами на этапе 4, где в ситуации социально ориентированной коммуникации он был понят лишь с третьей попытки.

Дальше возникает очень сложная проблема: как выбрать показатели, позволяющие сравнивать тексты, полученные при разных коммуникативных установках? Ясно, что чисто формальный анализ мало что дает. Например, какую бы меру подробности описания мы ни выбрали, заранее ясно, что при установке на автокоммуникацию описания скорее всего будут короче, чем при установке на коммуникацию в социуме. Ограничимся тем, что приведем основные принципы, которым следовали авторы. Для анализа отбирались ответы, полученные на этапах 2—5 при условии, что они укладывались в одну фразу. Каждое описание было оценено по его развернутости и «коммуникативной точности». Развернутость описания измерялась просто длиной предложения в словах, «коммуникативная точность» — отношением «стандартизованных» описаний к «идиосинкратическим». «Стандартизованными» описаниями считаются такие, которые содержат максимум того, что можно было бы назвать «объективной информацией». Приведем примеры стандартизованных описаний в норме: «непрерывная ломаная линия», «толстая дуга, отделенная от фона», «кислый запах». Примеры идиосинкратических описаний в норме: «похоже на говорящего пингвина», «своеобразный узор», «сладковатый запах, напоминающий лекарство от зубной боли».

Наиболее интересными кажутся нам следующие результаты. 1. В норме, какие бы стимулы ни описывались — «пятна», «линии», «запахи», — участники эксперимента в целом всегда учитывают характер установки на коммуникацию. Только на этапе 1 (непосредственные впечатления) длина описания в норме и у больных шизофренией практически одинакова. Далее результаты резко расходятся: чем в большей мере выражена установка на коммуникацию в социуме, тем развернутее сообщение в норме; соответственно от этапа 2 к 5 эта развернутость нарастает.

У больных шизофренией развернутость передачи смысла практически не зависит от установки: в этом совершенно очевидным образом проявляется упомянутый выше феномен аутизации — нарушения связей между «я» и социумом.

2. У здоровых индивидов от этапа 2 к этапу 5 нарастает доля «стандартизованных» описаний: чем ярче выражена установка на коммуникацию